О НАУЧНОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПЕССИМИЗМА И ОПТИМИЗМА,

КАКЪ МІРОВОЗЗРѢНІЙ.

Профессора Н. Я. Грота.

(Публичная лекція, читанная въ залѣ университета 11 марта 1884 года, въ пользу общества народныхъ чтеній въ Одессѣ).

Цѣна 30 коп.

ОДЕССА.
ТИПОГРАФІЯ П. А. ЗЕЛЕНАГО, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-Й.
1884.

Пров. 1959

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

568
39

(Изъ XL тома Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета).

О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній *).

Орд. проф. Н. Я. Грота.

Мм. гг. и мм. гг.!

Основною и наиболѣе плодотворною идеею современной науки справедливо считается *идея развитія*. Эта идея вдохновляетъ въ настоящее время каждое дѣльное научное изслѣдованіе, къ какой бы области оно ни относилось, и, съ другой стороны, степень сознательности приложенія идеи развитія къ истолкованію того и другого разряда явленій признается критеріемъ его научнаго достоинства. Но съ успѣхами знанія является потребность дифференцировать или разчленить эту сложную идею на рядъ *частныхъ*. Идея развитія, въ приложеніи ко всей природѣ въ ея цѣломъ, какъ она нынѣ поставлена наукою, означаетъ безконечно-сложную и органически-связную цѣпь законосообразныхъ перемѣнъ, происходящихъ во всѣхъ сферахъ существованія природы. Единственною общею причиной всѣхъ этихъ органически связанныхъ одна съ другой перемѣнъ въ природѣ считается *взаимодѣйствіе* всѣхъ элементовъ ея между собою, — конечнымъ результатомъ этого взаимодѣйствія признается *приспособленіе* предметовъ, или индивидуальныхъ цѣлыхъ, составляющихъ природу, другъ къ другу. Но приспособленіе это бываетъ нѣсколькихъ различныхъ типовъ, а слѣдовательно и типы развитія могутъ быть различны. Приспособленіе предметовъ другъ къ другу, а потому и развитіе ихъ, въ процессѣ этого приспособленія, можетъ являться—или простымъ перераспредѣ-

---

*) Публичная лекція, читанная 11 марта 1881 г. въ залѣ университета.

леніемъ данныхъ въ нихъ веществъ и силъ, или увеличеніемъ этихъ веществъ и силъ, а слѣдовательно и способности даннаго цѣлаго къ дѣйствію, или, наконецъ, уменьшеніемъ этихъ веществъ и силъ, распаденіемъ цѣлаго на части, или простымъ отдѣленіемъ отъ него частей вещества и силы, чрезъ что и сила дѣйствія его, конечно, уменьшается. Поэтому современная *біологія*, напримѣръ, и пришла къ разграниченію трехъ типовъ развитія въ своей спеціальной области, *органической* жизни, а именно: *субституціоннаго*, *прогрессивнаго* и *регрессивнаго*, изъ которыхъ первое, могущее быть названнымъ также «*ингрессивнымъ* развитіемъ», состоитъ въ простомъ перераспредѣленіи элементовъ и функцій организма, безъ измѣненія общей силы его дѣйствія, —два другіе, напротивъ, состоятъ въ такомъ перераспредѣленіи силъ въ организмѣ, которое даетъ ихъ увеличеніе или уменьшеніе. Но такіе три типа развитія, прогрессивное, регрессивное и ингрессивное, могутъ быть прослѣжены не только въ существованіи организмовъ: въ *неорганической* и въ *надорганической* или соціальной средѣ каждое цѣлое, разсматриваемое отдѣльно, можетъ подвергаться измѣненіямъ того же *троякаго типа* *). Поэтому, напримѣръ, въ существованіи различныхъ надъорганическихъ цѣлыхъ, т. е. человѣческихъ обществъ, въ различныя эпохи, осуществленіе этихъ трехъ типовъ развитія составляетъ не гипотезу, а *фактъ*: извѣстныя общества, въ извѣстные моменты, несомнѣнно прогрессируютъ, ибо измѣненія въ ихъ строѣ ведутъ къ подъему ихъ силъ или энергій, другіе — регрессируютъ, ибо измѣненія въ ихъ строѣ ведутъ къ пониженію ихъ силъ, кончающемуся полнымъ ихъ разложеніемъ, третьи—ингрессируютъ, т. е. въ теченіи вѣковъ не обнаруживаютъ ни повышенія, ни пониженія своихъ силъ и способностей къ дѣйствію. Этотъ общій выводъ подтверждается исторіей всѣхъ народовъ и государствъ,—исторіей увеличенія или уменьшенія ихъ *могущества*, *счастья* и *самодовольства*, а также исторіей такихъ государствъ, которыя въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени не обнаруживали никакого существен-

*) См. замѣтку мою: «Еще нѣсколько соображеній о задачахъ соціологіи и о научномъ анализѣ понятія прогресса» въ Одесскомъ Вѣстникѣ, № 52 (1884 г.).

наго измѣненія въ количествѣ присущихъ имъ энергій (Китай въ ближайшія вѣка, Швеція за послѣднее столѣтіе, и т. д.).

Но если прогрессъ, регрессъ и ингрессъ въ развитіи соціальныхъ цѣлыхъ суть *факты*, то въ чемъ можетъ состоять задача науки *соціологіи* въ анализѣ этихъ фактовъ. Очевидно въ томъ, чтобы на основаніи ихъ анализа опредѣлить точно, *что такое* прогрессъ, регрессъ и ингрессъ, съ внѣшней, *матеріальной*, и внутренней, *психологической*, стороны. Далѣе этого наука соціологія не можетъ идти, ибо задача науки изслѣдовать *то, что есть*. Правда, на основаніи того, что есть, наука иногда можетъ предсказывать *то, что будетъ*, и возможность предсказанія будущаго есть для науки несомнѣнно самая заманчивая перспектива и самый важный мотивъ для самоусовершенствованія. Но предсказаніе будущаго возможно лишь на основаніи болѣе или менѣе полнаго знанія: если астрономія, самая совершенная изъ наукъ, правильно предсказываетъ солнечныя затмѣнія и появленіе нѣкоторыхъ кометъ, то это понятно; но даже и сфера астрономическихъ предсказаній крайне ограничена, —и новыя кометы часто появляются на небосклонѣ, не предупредивъ объ этомъ астрономовъ и приводя ихъ неожиданностью своего появленія въ немалое изумленіе. Что же сказать о предсказаніяхъ соціологіи, самой молодой и неразработанной науки? Разумѣется они невозможны: вѣра въ ихъ возможность есть слѣпой самообманъ, есть очевидная иллюзія.

Все это я говорю для того, чтобы показать, что между *соціологическими опредѣленіями* прогресса и регресса и *соціально-этическимъ убѣжденіемъ* въ необходимости перевѣса прогрессивнаго развитія человѣчества и всей природы надъ регрессивнымъ въ будущемъ, или наоборотъ, лежитъ цѣлая пропасть. Вообще наука, и въ частности соціологія, въ правѣ только утверждать, что *прогрессъ* въ развитіи природы и человѣческаго общества имѣется на лицо, и въ правѣ изслѣдовать, въ чемъ онъ заключается. Но въ то же время она должна признать, что такой же несомнѣнный фактъ составляетъ и *регрессивное* развитіе природы и общества, а также и *ингрессивное*, тѣсно переплетающіяся съ прогрессивнымъ. Что же касается до вопроса о томъ, можетъ ли какая-нибудь изъ этихъ формъ развитія взять *в будущемъ*, или же *вообще* (т. е. и въ прошедшемъ и въ будущемъ, вмѣстѣ взятыхъ) перевѣсъ надъ всѣми другими, или онъ

другъ друга нейтрализуютъ, т. е. представляется ли конечная форма развитія міра прогрессивной, регрессивной или ингрессивной, является ли она величиной *положительной*, *отрицательной* или *нулевой*, то этотъ вопросъ пока не разрѣшимъ объективно, научно. Это вопросъ *соціально-этическій*,—то или другое рѣшеніе его есть дѣло *вѣры*, а не знанія, т. е. дѣло *субъективнаго* убѣжденія, не могущаго имѣть общеобязательнаго характера. Еслибы даже и можно было увѣриться относительно прошедшаго міра и человѣчества, что та или другая форма развитія его была преобладающей, то и это не могло бы помочь рѣшенію упомянутаго общаго вопроса, ибо, какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ сказать, счастливъ ли онъ или нѣтъ, до послѣдняго дня своей жизни, такъ и человѣчество и весь міръ, на основаніи своего прошедшаго, не могутъ сказать ничего достовѣрнаго о цѣломъ своемъ бытіи,—иначе какъ подъ условіемъ дара предвидѣнія, которымъ они однакоже также мало одарены, какъ и отдѣльный человѣческій индивидуумъ. Съ соціально-этической точки зрѣнія человѣчество, поэтому, вправѣ вѣрить въ какую угодно перспективу, настаивать съ большей или меньшей вѣроятностью на какой угодно гипотезѣ. Единственно *твердой* въ соціальной этикѣ можетъ быть лишь постановка извѣстнаго *идеала*, извѣстной *цѣли* для сознательно-живущаго человѣчества и, далѣе, указаніе на *средства*, могущія привести къ осуществленію этой цѣли, этого идеала, при отсутствіи всякихъ непредвидѣнныхъ препятствій. Рѣшить же вопросъ о томъ, осуществится ли этотъ идеалъ на самомъ дѣлѣ, не въ ея власти: въ этой области возможны лишь *субъективныя предположенія*.

Сдѣлавъ это краткое вступленіе, перейду къ анализу доктринъ *пессимизма и оптимизма*. Главные тезисы этихъ доктринъ состоятъ въ слѣдующемъ: первая утверждаетъ, что зло въ мірѣ преобладаетъ надъ добромъ, что прогресса и увеличенія счастія въ мірѣ нѣтъ и что, поэтому, небытіе міра предпочтительнѣе его бытія; вторая утверждаетъ, что добро въ мірѣ преобладаетъ, что прогрессъ и увеличеніе счастія въ мірѣ осуществляются и что бытіе міра есть благо, т. е. предпочтительнѣе его небытія. Уже изъ сопоставленія этихъ тезисовъ со всѣмъ прежде сказаннымъ возникаетъ предположеніе, что обѣ упомянутые доктрины

не могутъ быть признаны *научными*, ибо онѣ именно обнаруживаютъ претензію разрѣшить указанный выше *неразрѣшимый научно* вопросъ о томъ, является ли развитіе міра въ его цѣломъ прогрессивнымъ или регрессивнымъ, вопросъ о томъ, что *будетъ* съ міромъ и что *должно* съ нимъ быть, вопросъ о характерѣ общей судьбы міра и человѣческаго рода. А такъ какъ всякая *ненаучная* доктрина, облекающаяся въ псевдонаучную форму и предъявляющая претензію на научную достовѣрность, называется «метафизической», то упомянутое выше предположеніе о ненаучности доктринъ пессимизма и оптимизма равносильно предположенію, что это доктрины—*метафизическія*, т. е. ненаучныя. Но это предположеніе должно быть провѣрено болѣе подробнымъ анализомъ ученій пессимистовъ и оптимистовъ, и потому я перейду къ болѣе точной ихъ характеристикѣ.

Прежде всего замѣчу, что термины «пессимизмъ» и «оптимизмъ» служатъ повидимому для обозначенія явленій двухъ различныхъ порядковъ. Они выражаютъ собой во 1) извѣстную группу противоположныхъ по своей природѣ, весьма сложныхъ и разнообразныхъ по своимъ оттѣнкамъ, *душевныхъ состояній*, которымъ бываетъ подверженъ человѣкъ, и во 2) извѣстную группу противоположныхъ по своимъ исходнымъ посылкамъ и конечнымъ выводамъ и тоже имѣющихъ различные спеціальные оттѣнки доктринъ или *ученій*, выросшихъ и развившихся на почвѣ упомянутыхъ душевныхъ состояній.

Сложныя душевныя состоянія, которыя могутъ быть подразумѣваемы, когда мы называемъ того или другого человѣка пессимистомъ или же оптимистомъ, характеризуются главнымъ образомъ извѣстнымъ *эмоціональнымъ строемъ*, т. е. преобладаніемъ *чувствъ* двухъ различныхъ порядковъ, а именно, съ одной стороны, чувствъ непріятныхъ—печали, страха, отчаянія, ненависти и т. д.—въ пессимистѣ,—съ другой стороны, чувствъ пріятныхъ—радости, надежды, бодрости, любви и т. д.—въ оптимистѣ. А такъ какъ извѣстный постоянный колоритъ чувствъ въ той или другой личности называется ея «настроеніемъ», то упомянутыя сложныя душевныя состоянія относятся къ типу *настроеній*. Другими словами, можно говорить о пессимистическомъ и оптимистическомъ настроеніи человѣческихъ личностей,

(ср. понятіе Stimmungspessimismus у Гартмана) *). Но было бы однакоже односторонне считать пессимистическое и оптимистическое, или, иначе говоря, мрачное и радостное настроеніе людей душевными состояніями одного лишь эмоціональнаго характера. Чувства наши, опредѣляя то или другое направленіе нашей умственной дѣятельности, неизбѣжно отражаются и на содержаніи нашихъ *идей* или *взглядовъ на вещи*. Поэтому, даже на самыхъ низшихъ формахъ своего развитія, пессимистическое и оптимистическое настроеніе характеризуются не только извѣстнымъ *складомъ чувствъ*, но и соотвѣствующимъ имъ *строемъ идей* или воззрѣній. Эти идеи и воззрѣнія, на первыхъ стадіяхъ развитія пессимистическаго и оптимистическаго настроенія, представляются однако еще весьма смутными и сбивчивыми,—между тѣмъ какъ чувства, наоборотъ, характеризуются яркостью и отчетливостью. По мѣрѣ же развитія упомянутыхъ настроеній въ человѣческихъ личностяхъ, означенныя идеи и воззрѣнія все болѣе и болѣе развиваются и организуются, — напротивъ чувства теряютъ свою интенсивность и отчетливость.

Отсюда уже понятно, что между пессимизмомъ и оптимизмомъ, какъ чисто индивидуальными душевными настроеніями съ преобладающимъ эмоціональнымъ характеромъ и, съ другой стороны, пессимизмомъ и оптимизмомъ, какъ доктринами, претендующими на строго научную достовѣрность, не существуетъ рѣзкой предѣльной черты. Это всетаки лишь *крайнія звенья* одной цѣпи явленій, *низшая* и *высшая* ступень развитія душевныхъ состояній одного и того же разряда. Пессимизмъ и оптимизмъ, какъ *доктрины*, представляютъ лишь наивысшую возможную *систематизацію* и *мотивировку* идей, развившихся на почвѣ извѣстныхъ эмоціональныхъ состояній, ослабѣвшихъ или даже совершенно стушевавшихся подъ вліяніемъ выработки идей, ими порожденныхъ. И этотъ выводъ заставляетъ безпристрастнаго, сторонняго зрителя снова недоумѣвать, *на какомъ основаніи* представители философскаго пессимизма и оптимизма, игнорируя естественныя *субъективныя* основы своихъ ученій,—основы чувства и эмоціи, позволяютъ себѣ питать несбыточную на-

*) Ed. Hartmann. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Berl. 1880, стр. 66—70.

дежду на возможность совершенно *объективнаго*, научнаго, построеннаго на фактахъ и теоріяхъ, оправданія этихъ доктринъ. Не основана ли эта ихъ надежда на томъ же самомъ коренномъ недоразумѣніи, которое побуждало прежнихъ философовъ искать объективнаго объясненія всѣхъ чувствъ человѣка, въ особенности же *эстетическихъ* и *нравственныхъ*, въ абсолютныхъ и существующихъ независимо отъ субъективной оцѣнки человѣка достоинствахъ и недостаткахъ вещей? Не тотъ же ли самый разрядъ иллюзій заставлялъ человѣка искать прежде, помощью анализа объективныхъ свойствъ вещей, законовъ *абсолютной красоты* и *абсолютнаго блага*, а нынѣ заставляетъ его искать *абсолютной цѣны міра*, могущей дать объективное научное оправданіе пессимистической или оптимистической доктринѣ? Я думаю, что отвѣты на эти вопросы могутъ быть только утвердительные. Чтобы доказать предположеніе о конечныхъ *субъективныхъ* или эмоціольныхъ, основахъ «доктринъ» пессимизма и оптимизма, достаточно ближе прослѣдить ту цѣпь явленій, которая ихъ породила.

Всѣ историки пессимизма и оптимизма, наприм. Гартманъ-Каро, Сюлли и др., согласны въ томъ, что эти ученія облекались въ четыре различныя формы: въ форму *поэтическихъ апологій*, въ форму *религіозныхъ системъ*, въ форму *метафизическихъ построеній* и, наконецъ, въ форму *научныхъ трактатовъ*. Средъ поэтовъ всѣхъ временъ были пессимисты и оптимисты. Самый контрастъ «трагедіи» и «комедіи», этихъ основныхъ формъ *драматическаго* творчества, изображающихъ печальную и веселую сторону жизни человѣческой, объясняется, до извѣстной степени, именно контрастомъ эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ настроеній, называемыхъ пессимистическимъ и оптимистическимъ. И та же противоположность настроеній человѣка выражается въ различныхъ родахъ *лирической* поэзіи. Къ поэтамъ-пессимистамъ историки этой доктрины причисляютъ напр. изъ древнихъ—Гезіода, Софокла и Эврипида, изъ новыхъ—Шекспира, Байрона, Гейне и итальянца Леонарди, этого поэта-пессимиста по преимуществу. Къ поэтамъ-оптимистамъ Сюлли относитъ напримѣръ Уордсворта. Но я думаю, что и ихъ можно было бы назвать десятками, если только проанализировать основные мотивы творчества, хотя бы однихъ только поэтовъ-комиковъ всѣхъ временъ, начиная съ Аристофана. Вообще подробный

психологическій анализъ исторіи поэзіи и ея разнообразныхъ формъ и родовъ, съ точки зрѣнія преобладанія въ поэтахъ пессимистическаго или оптимистическаго душевнаго настроенія, представлялъ бы весьма плодотворную научную задачу, въ настоящее время еще едва только намѣченную.

«Инстинктивный» пессимизмъ и оптимизмъ поэтовъ, употребляя терминъ Сюлли, представляетъ низшую форму развитія пессимизма и оптимизма, какъ *ученій*. Болѣе систематическое выраженіе этихъ ученій мы находимъ въ *религіозныхъ системахъ*, изъ которыхъ—напримѣръ—древняя буддійская является лучшимъ выраженіемъ *пессимизма* въ религіозной формѣ, магометанская такимъ-же выраженіемъ *оптимизма*. Слѣдующей, еще болѣе сознательной формой въ процессѣ развитія разбираемыхъ нами доктринъ является форма *философская*. Во всѣхъ всеобъемлющихъ философскихъ системахъ древности и новаго времени можно найти болѣе или менѣе ясный отпечатокъ пессимистическаго или оптимистическаго настроеній и воззрѣній ихъ построителей. Напримѣръ, еще въ древности противополагался мрачный колоритъ ученій Гераклита, философа конца VI и начала V в., радостному колориту философскаго міровоззрѣнія Демокрита, философа V в. до Р. Хр. У Платона и у эпикурейцевъ историки пессимизма находятъ не мало пессимистическихъ посылокъ, у Аристотеля и стоиковъ можно найти соотвѣтствующія имъ посылки оптимистическія. Но какъ настоящія философскія доктрины, вполнѣ *сознательныя* и *систематическія*, пессимизмъ и оптимизмъ развились только въ новое время. Развитіе оптимизма совершилось ранѣе—въ системахъ Джордано Бруно (XVI в)., Лейбница, и въ ученіяхъ французскихъ и англійскихъ моралистовъ XVIII в. (упомяну для примѣра Руссо и Адама Смита). Пессимизмъ, зародившійся въ философскомъ скептицизмѣ Давида Юма въ XVIII в., достигъ полнаго разцвѣта лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ философской системѣ Шопенгауера. Наконецъ современные философы—пессимисты и оптимисты, напр. пессимистъ Гартманъ и оптимистъ Дюрингъ, убѣждены въ возможности научнаго обоснованія своихъ ученій и преподносятъ ихъ въ формѣ научно-философскихъ трактатовъ (ср. Hartmann'a «Philosophie des Unbewussten» и «Zur Geschichte und Begründung d. Pessimismus» и Dühring'a «Der Werth des Lebens»). Дюрингъ, различая *ложный* и *истин-*

ный оптимизмъ (falscher und wahrer Optimismus, см. Cursus der Philosophie, VI Abschnitt) считаетъ возможнымъ научно оправдать этотъ послѣдній; Гартманъ посвящаетъ цѣлую главу своего сочиненія о пессимизмѣ доказательству возможности научнаго, психологическаго обоснованія этой доктрины (см. глава II: Ist der Pessimismus wissenschaftlich zu begründen). Насколько эти предположенія справедливы, мы увидимъ послѣ. Несомнѣнно пока одно, что *теоретическое* развитіе пессимизма и оптимизма проходитъ *четыре* главные фазиса: 1) поэтическихъ міровоззрѣній, 2) религіозныхъ міросозерцаній, 3) философскихъ міропостроеній и 4) научныхъ «міроразумѣній», употребляя терминъ В. Лесевича. Первыя двѣ стадіи развитія были пройдены ими еще въ древности, послѣднія двѣ стадіи принадлежатъ по преимуществу новому времени. Сопоставимъ съ этимъ теперь развитіе пессимизма и оптимизма, какъ *настроеній*. Гартманъ, говоря о *пессимизмѣ*, какъ настроеніи, различаетъ личный пессимизмъ (Situationschmerz) отъ мірового (Weltschmerz). Но несомнѣнно, что между этими двумя *крайними* звеньями развитія пессимистическаго построенія, а соотвѣтственно ему конечно и оптимистическаго, лежитъ не мало звеньевъ переходныхъ, промежуточныхъ. Во 1-хъ, уже личная неудовлетворенность или удовлетворенность тѣми условіями жизни, въ которыя личность поставлена, можетъ быть или *острой*, скоропреходящей, или постоянной, *хронической*, и, притомъ, различной степени глубины и интенсивности; во 2) вслѣдъ за личной неудовлетворенностью или удовлетворенностью, прежде чѣмъ онѣ перейдутъ въ мрачное или радостное воззрѣніе на міръ вообще, можетъ слѣдовать: во первыхъ, довольство или недовольство условіями существованія той *общественной группы* или того класса, къ которому человѣкъ принадлежитъ и, во вторыхъ, удовлетворенность или неудовлетворенность условіями существованія *всего народа*, вообще высшей соціальной единицы, часть которой онъ составляетъ. Такимъ образомъ можно различать слѣдующія ступени развитія пессимизма и оптимизма, какъ настроеній: 1) *чисто личный* пессимизмъ и оптимизмъ; 2) сословный или *классовой* пессимизмъ и оптимизмъ; 3) *національный* пессимизмъ и оптимизмъ; 4) *міровой* пессимизмъ и оптимизмъ. Всѣ эти, болѣе или менѣе широкія, по оцѣниваемому ими количеству явленій, настроенія ищутъ себѣ, конечно, *внѣшнюю*

выраженія и находятъ таковое — въ стонахъ и жалобахъ пессимистовъ, въ изъявленіяхъ восторга и въ похвальбахъ оптимистовъ. Чѣмъ шире настроеніе, тѣмъ болѣе въ немъ *идейныхъ элементовъ*,—чѣмъ болѣе въ немъ идейныхъ элементовъ, тѣмъ *сознательнѣе и стройнѣе его выраженіе*. Поэтому понятно, что отъ прозаическаго и нелитературнаго выраженія міровой боли и міроваго упоенія до литературнаго и поэтическаго ихъ изліянія одинъ только шагъ. Мы нашли, слѣдовательно, то *кольцо*, которымъ можно связать въ одну цѣпь развитіе пессимизма и оптимизма, какъ настроеній, съ развитіемъ ихъ, какъ доктринъ. Между низшей эмоціональной формой личнаго пессимизма и оптимизма и высшей идейной формой quasi-научныхъ доктринъ пессимизма и оптимизма лежитъ непрерывная цѣпь постепенно расширяющихся и достигающихъ все большей и большей степени сознательности формъ того и другого душевнаго состоянія. Опредѣлить точно *моментъ перехода* пессимизма и оптимизма, какъ настроеній, въ пессимистическое и оптимистическое міровоззрѣніе невозможно. Міровая скорбь и радость, какъ *настроенія*, уже заключаютъ въ себѣ всѣ главные признаки «міровоззрѣній»; поэтическій пессимизмъ и оптимизмъ, будучи выраженіемъ извѣстныхъ *міровоззрѣній*, содержатъ въ себѣ однако еще всѣ тѣ признаки, которыми опредѣляются индивидуальныя «настроенія» человѣка. Но этого мало: уже личный пессимизмъ и оптимизмъ, какой бы острый и скоропреходящій характеръ ни носили эти настроенія, какъ мы сказали уже, непремѣнно связываются съ тѣми или другими «воззрѣніями человѣка на вещи», изъ которыхъ состоитъ «міръ», и точно также, какъ это отлично доказалъ Сюлли своимъ анализомъ источниковъ пессимизма и оптимизма*),—въ какую бы отвлеченную и quasi-научную форму ни облекались эти доктрины, сквозь всѣ ихъ посылки и выводы сквозятъ *личныя настроенія* и *чувства*, *личные опыты* и *условія жизни* ихъ представителей и защитниковъ.

---

*) См. Sully, упом. соч. гл. XIV, особ. genèse du pessimisme moderne en tant que phénomène social, impulsions de l'optimisme et du pessimisme ayant leur racines dans les besoins de la vie sociale и т. д. Ср. также Dühring, Cursus d. Philosophie. VI Abschn. I Cap.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ заключаются такъ называемыя *научныя посылки* пессимизма и оптимизма, и насколько эти научныя посылки могутъ быть оправданы *дѣйствительно научной критикой*. Мы постараемся при этомъ, конечно, выдѣлить лишь самые главные тезисы этихъ ученій, общіе всѣмъ ихъ представителямъ, и эти то именно тезисы и подвергнемъ критическому анализу. Если бы оказалось, что главныя посылки обѣихъ доктринъ произвольны и субъективны, то, само собой понятно, что съ признаніемъ недоброкачественности матеріала, изъ котораго составлены фундаменты этихъ двухъ построеній, мы вправѣ будемъ усся умнитьи въ прочности самыхъ построеній и должны будемъ заключить, что и всѣ дальнѣйшіе, второстепенные *научные аксессуары* доктринъ пессимизма и оптимизма не въ состояніи будутъ спасти ихъ отъ разрушенія. Какъ бы ни было красиво и величественно самое зданіе, оно должно пасть, какъ скоро рушатся главныя его опоры.

Важнѣйшія посылки пессимизма слѣдующія: основная сущность всѣхъ вещей и источникъ ихъ бытія есть *воля* (или по Гартману, безсознательная воля). Воля, по самой природѣ своей, есть *страданіе*, удовольствіе же есть только временное уничтоженіе проявленій воли чрезъ ея удовлетвореніе, т. е. отсутствіе воли и связанныхъ съ нею страданій. Слѣдовательно, удовольствіе есть состояніе по Шопенгауеру—*вполнѣ*, по Гартману—только *по преимуществу отрицательное*, страданіе—состояніе *положительное*. Другими словами, страданіе есть *фактъ*, удовольствіе же — только *иллюзія* (Гартманъ). Уже изъ этого явно вытекаетъ, что страданіе въ мірѣ должно превосходить *своею реальностью* удовольствіе. Но кромѣ того, если воля есть страданіе и если принять во вниманіе: 1) что воля лишь въ нѣкоторомъ процентѣ случаевъ удовлетворяется, въ массѣ же другихъ случаевъ остается неудовлетворенной, 2) что удовлетвореніе воли обыкновенно гораздо скоротечнѣе предшествующаго состоянія ея неудовлетворенности, 3) что часто удовлетвореніе воли одного существа совершается на счетъ гораздо болѣе интенсивныхъ страданій другого,—то по мнѣнію пессимистовъ станетъ уже совершенно яснымъ, что страданіе въ мірѣ превосходитъ *своею интенсивностью* удовольствіе, что цѣна міра *отрицательная*, что небытіе міра предпочтительнѣе его бытія, что конечная задача міра есть его *уничтоженіе*. Таковы

главныя теоретическія основы пессимизма. Чтобы дать ему, однакоже, болѣе твердыя внѣшнія научныя опоры, Гартманъ пытался доказать тезисъ о преобладаніи зла въ мірѣ также и анализомъ фактовъ и, разбирая послѣдовательно всѣ виды наслажденій, которыя доступны человѣку и преслѣдованіемъ которыхъ онъ надѣется достигнуть счастія въ этомъ мірѣ или въ будущемъ, онъ раскрываетъ *иллюзорность* всѣхъ этихъ наслажденій, приходя каждый разъ къ выводу, сходному съ извѣстнымъ изреченіемъ Экклезіаста, что «все сіе суета и томленіе духа». При этомъ оказывается, что не только иллюзорны надежды человѣка найти благо въ своей настоящей *земной* жизни (первая стадія иллюзіи), но что также иллюзорны и надежды его обрѣсти счастіе въ *будущей* жизни (вторая стадія иллюзіи), а равно и доставить его, помощью прогрессивной трансформаціи міра, своимъ потомкамъ, т. е. *будущему человѣчеству* (третья стадія иллюзіи). Относительно того, какія практическія послѣдствія вытекаютъ изъ такого мрачнаго ученія о мірѣ, пессимисты расходятся: иные, болѣе древніе и, скажу прямо, болѣе послѣдовательные пессимисты находили естественный выходъ изъ пессимистическаго міровоззрѣнія въ самоубійствѣ, Шопенгауеръ же находитъ такой выходъ въ аскетизмѣ, а Гартманъ въ служеніи ближнимъ, дабы, содѣйствуя скорѣйшему ихъ развитію, поскорѣе привести міръ къ той фантастической развязкѣ «уничтоженія всего міра волею человѣка», которою должно закончиться его существованіе, по мнѣнію этого философа.

Таковы основныя положенія пессимизма. *Оптимизмъ*, выходя, или изъ ученія о всеблагомъ виновникѣ бытія міра и изъ ученія о цѣлесообразности всего существующаго, или же изъ критики основныхъ посылокъ пессимизма (новѣйшій научный оптимизмъ), приходитъ, обратно, къ утвержденію преобладанія добра въ мірѣ, необходимости прогрессивнаго развитія его въ будущемъ, къ убѣжденію въ положительности наслажденій человѣка и къ признанію, наоборотъ, скорѣе уже отрицательнаго характера за страданіями, нарушающими только на время «равновѣсіе» душевныхъ состояній организма (ср. Дюрингъ Werth des Lebens, стр. 95). Эти тезисы оптимисты, подобно пессимистамъ, тоже стараются подкрѣпить фактическимъ анализомъ *дѣйствительнаго теченія жизни человѣческаго индивидуума*, поставленнаго въ нормальныя условія существованія,

причемъ для оптимистовъ, наоборотъ, представляются *иллюзіями* многія *страданія* человѣка (ср. анализъ страха смерти у Дюринга, упом. соч. стр. 125—147), а равно и желанія, порождающія эти страданія (ср. у него же анализъ любви, глава V).

Болѣе подробное изложеніе ученій пессимистовъ и оптимистовъ, при краткости остающагося времени, невозможно и я отсылаю читателей, желающихъ ознакомиться съ ними, къ прекрасному изложенію ученій Шопенгауера, Гартмана, Дюринга, Сюлли и другихъ пессимистовъ и оптимистовъ въ сочиненіи Мокіевскаго «Цѣнность жизни» (печатавшемся въ прошломъ году въ «Русскомъ Богатствѣ» и вышедшемъ недавно отдѣльной книгой; ср. также упомян. соч. Сюлли, сочин. Каро о пессимизмѣ и т. д.). Приступимъ же теперь къ критической оцѣнкѣ приведенныхъ нами основныхъ тезисовъ доктринъ пессимизма и оптимизма.

Уже изъ представленнаго нами краткаго обзора этихъ ученій ясно, что опора каждаго изъ нихъ *двоякая*. Во 1-хъ, они опираются на извѣстныя *теоріи*, претендующія быть вполнѣ достовѣрными обобщеніями психологическихъ фактовъ, и во 2-хъ, они ищутъ себѣ дальнѣйшаго подкрѣпленія или *провѣрки* въ анализѣ тѣхъ-же фактовъ психологическаго круга, *внѣ* какихъ-либо предварительныхъ *теорій*. Другими словами, обѣ доктрины сначала *дедуцируются*, какъ логическіе выводы, изъ пріобрѣтенныхъ ранѣе, помощью *индукціи*, психологическихъ положеній и затѣмъ подвергаются новой *индуктивной провѣркѣ*. Такой двоякій методъ обоснованія извѣстныхъ выводовъ употребляется *всѣми науками*. Наблюденія и обобщенія, или *первичная индукція*,—выводъ гипотезъ изъ этихъ обобщеній или *первичная дедукція*,—провѣрка этихъ гипотезъ фактами, или *вторичная индукція*, и затѣмъ, если эта провѣрка удалась,—развитіе данныхъ общихъ положеній въ цѣлый рядъ частныхъ, изъ нихъ вытекающихъ, или *вторичная дедукція*,—таковъ естественный ходъ каждаго научнаго изслѣдованія, какъ я старался доказать это въ своемъ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики» (Введеніе)

Слѣдовательно, по *внѣшнему своему виду*, доктрины пессимизма и оптимизма вполнѣ подходятъ подъ типъ *научныхъ доктринъ*. Но это конечно еще ничего не означаетъ. Во 1-хъ, обѣ

доктрины разомъ, какъ взаимно-исключающія другъ друга, правильны быть не могутъ: или одна изъ нихъ невѣрна или, быть можетъ, обѣ ложны. И эта послѣдняя перспектива потому уже не содержитъ въ себѣ ничего невозможнаго, что во 2-хъ, и всѣ лже-научныя, *метафизическія* доктрины усваивали себѣ тотъ же внѣшній типъ разсужденій, какъ и доктрины строго-научныя,—съ той разницей, что первоначальныя обобщенія фактовъ, на которыя онѣ опирались, были въ дѣйствительности не научными, а мнимо-научными, вслѣдствіе этого и построенныя на этихъ обобщеніяхъ логическія предположенія, или гипотезы, были совершенно произвольны, а послѣдующая провѣрка ихъ фактами была фиктивной, обманной *).

Такимъ образомъ, весь вопросъ лишь въ томъ, во 1-хъ, могутъ ли быть признаны научными тѣ основныя психологическія обобщенія или *теоріи*, на которыхъ выстраиваютъ свои доктрины пессимисты и оптимисты, и во 2-хъ, правильны ли тѣ *методы фактической провѣрки* гипотезъ, выведенныхъ изъ этихъ обобщеній, которыми пользуются представители этихъ доктринъ.

Начнемъ съ разсмотрѣнія *теорій*. Сначала мы разберемъ основныя психологическія посылки пессимистовъ, которымъ принадлежитъ несомнѣнно честь болѣе ясной постановки своихъ исходныхъ положеній, чѣмъ какая можетъ быть найдена у оп-

---

*) Прежде думали, правда, что метафизическія доктрины строются и оправдываются совершенно другими методами, чѣмъ научныя, а именно первыя исключительно *дедуктивнымъ* путемъ, вторыя исключительно *индуктивнымъ*,—но это было заблужденіемъ, внушеннымъ самими-же метафизиками, утверждавшими, что они обладаютъ особымъ методомъ открытія истины (отъ «разума»). На дѣлѣ же все различіе состоитъ *въ степени доброкачественности* наблюденія и мышленія, лежащихъ въ основѣ научныхъ и метафизическихъ выводовъ: поверхностное наблюденіе и мышленіе давали въ результатѣ произвольныя метафизическія доктрины, точное и глубокое наблюденіе и мышленіе являются основой научныхъ доктринъ, причемъ первыя, именно вслѣдствіе поверхностности своихъ основаній, были всегда проникнуты духомъ *абсолютизма*, т. е. вѣрили въ свою безусловную непогрѣшимость; вторыя, именно въ силу глубины и разносторонности анализа, всегда ясно сознавали свою *относительную цѣну* и не считали себя непогрѣшимыми.

тимистовъ, и затѣмъ мы разберемъ, могутъ ли быть вѣрны посылки, имъ противоположныя, т. е. оптимистическія.

Первое положеніе пессимистовъ состоитъ въ томъ, что воля, или безсознательная воля, есть *основная сущность вещей.* Положеніе это конечно чисто метафизическое, совершенно произвольное, ибо оно возводитъ въ особую *самостоятельную реальность* извѣстную совокупность душевныхъ явленій, неразлучно связанныхъ съ другими душевными явленіями и съ извѣстной спеціальной, свойственной лишь живымъ существамъ въ природѣ, организаціей. Явленія воли могутъ имѣть мѣсто лишь при извѣстной, весьма сложной организаціи *нервной системы* и, далѣе, они неразлучно связаны съ явленіями чувства и мысли. Это видно изъ того, какъ зарождаются новые виды хотѣнія или новыя проявленія воли въ высшихъ существахъ; эти новые виды хотѣнія обусловливаются новыми психическими *опытами*, непроизвольнымъ взаимодѣйствіемъ организма съ новыми предметами, чрезъ которое, съ одной стороны, дѣлается ему извѣстнымъ *самое ихъ существованіе*,—съ другой стороны, составляется въ его сознаніи извѣстная оцѣнка *ихъ значенія для него.* Безъ этихъ двухъ условій, новые виды хотѣнія не могутъ возникать, а слѣдовательно и всѣ уже существующіе виды хотѣнія возникли тѣмъ же путемъ, а именно: изъ опыта индивидуальнаго или родового, причемъ наслѣдственная передача хотѣній, называемыхъ въ такомъ случаѣ «инстиктивными», совершалась чрезъ посредство извѣстныхъ нервныхъ механизмовъ, сложившихся подъ вліяніемъ неоднократныхъ взаимодѣйствій предковъ со средой. Эти соображенія рисуютъ намъ самый *генезисъ* воли и приводятъ насъ къ выводу, что воля есть продуктъ развитія нервной организаціи. Откуда же возьмется воля въ вещахъ неодушевленныхъ и вообще неимѣющихъ вовсе нервной организаціи? Да и отчего воля есть скорѣе сущность вещей, чѣмъ *чувство* и *мысль*, ее обусловливающія? Гартманъ отчасти сознавалъ послѣднее затрудненіе и старался исправить его тѣмъ, что призналъ сущностью вещей *безсознательное*, съ двумя аттрибутами —*представленія* и *воли.* Но и этотъ тезисъ произволенъ: Гартманъ смѣшалъ понятіе безсознательнаго, какъ «минимальной степени сознанія» и бесознательнаго, какъ «полнаго отсутствія сознанія». Это все равно, какъ еслибы мы смѣшали, напримѣръ, малоземелье съ полнымъ безземельемъ и стали бы утверждать,

что человѣкъ, вовсе не имѣющій земельной собственности, все-таки имѣетъ таковую, потому что въ каждый моментъ занимаетъ какую-нибудь точку земной поверхности. Такое разсужденіе было бы названо *софизмомъ* и такимъ же софизмомъ и метафизическимъ *произволомъ* является утвержденіе пессимистовъ, что предметы неодушевленные, не обладающіе вовсе сознаніемъ, имѣютъ все-таки таковое или что они обладаютъ однимъ изъ проявленій сознанія, напр. *волей*. Но пойдемъ дальше.

Вѣренъ ли *второй* тезисъ пессимистовъ, что *воля есть страданіе*, а *удовольствіе* есть только удовлетвореніе или *прекращеніе воли*? Несомнѣнно, что каждое хотѣніе имѣетъ конечною цѣлью наслажденіе или прекращеніе страданія. Но уже изъ этого прямо слѣдуетъ, что воля имѣетъ *двѣ основы*, два исходные пункта, а именно—или *страданіе*,—или *наслажденіе*, которыя иногда бываютъ, *реальны*,—иногда же замѣняются *идеальными образами* или воспоминаніями. Дѣйствительно: возможно ли хотѣть какого-либо наслажденія, если не испытывается уже—или само это наслажденіе, или предвкушеніе его въ идеальномъ образѣ? Еслибы хотѣнія наслажденій не имѣли своей основой или самыхъ этихъ наслажденій, или представленій о нихъ, т. е. какихъ-либо прежнихъ наслажденій, идеально воспроизведенныхъ сознаніемъ, то всѣ наслажденія могли бы достигаться только *случайно*, а не сознательно или намѣренно, какъ это обыкновенно бываетъ. Такимъ образомъ всѣ хотѣнія имѣютъ источникомъ: или настоящія наслажденія, или прежнія, идеально воспроизведенныя,—или же страданія, настоящія, или идеально воспроизведенныя, вслѣдствіе чего *хотѣнія* бываютъ *двоякаго рода*: 1) такія, которыя направлены къ продолженію или повторенію наслажденій, 2) такія, которыя направлены къ прекращенію или предупрежденію страданій. Но если такъ, то воля *не есть страданіе*: или она есть столько же страданіе, сколько и наслажденіе,—или она не есть ни то, ни другое,—и я считаю болѣе правильнымъ второе предположеніе, что воля не есть ни страданіе, ни наслажденіе: она есть результатъ, *дѣйствіе* страданій или наслажденій, реальныхъ или идеальныхъ, а эти послѣднія суть ея *причины*; причины же и дѣйствія, будучи предъидущимъ и послѣдующимъ, не должны быть смѣшиваемы другъ съ другомъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія научной психологіи, невѣренъ и второй тезисъ пессимистовъ, что воля есть страданіе. Но въ

такомъ случаѣ невѣрна и *третья* ихъ посылка, вытекающая изъ двухъ прежнихъ, а именно, что страданіе есть *положительное* душевное состояніе, удовольствіе же *отрицательное*, ибо удовольствіе столь же мало, какъ и страданіе можетъ служить причиной прекращенія хотѣнія: удовольствіе вызываетъ хотѣніе къ повторенію или продолженію того же удовольствія, а прекращеніе хотѣнія, или воли, имѣетъ совершенно другія причины, чисто *физіологическія*, состоящія въ истощеніи энергіи всего организма, или отдѣльнаго его органа, и въ притупленіи нервной системы, столько же къ удовольствіямъ, сколько и къ страданіямъ, испытываемымъ ею.

Отвергнувъ главныя посылки пессимистовъ, мы еще легче можемъ покончить съ *второстепенными*. Утвержденіе пессимистовъ, что не всегда хотѣніе удовлетворяется, теперь для насъ не имѣетъ уже никакой цѣны. Оно, конечно, само по себѣ вѣрно, но выводъ изъ него—выводъ о преобладаніи страданій, невѣренъ, ибо этотъ выводъ возможенъ только при признаніи тождества страданій и воли. Далѣе, утвержденіе пессимистовъ, что удовольствіе скоротечнѣе страданія, тоже совершенно произвольно, ибо и оно опять построено на предположеніи, что хотѣніе есть уже ео ipso страданіе. Точно также произвольно утвержденіе пессимистовъ, что всякое удовольствіе одного существа сопряжено съ несравненно бо́льшимъ страданіемъ другого. Иногда наслажденіе одного существа достигается прямо наслажденіемъ же и удовлетвореніемъ другихъ, какъ напримѣръ въ процессѣ общенія людей другъ съ другомъ, въ процессѣ служенія ихъ другъ другу, въ пожертвованіи своего труда и своего добра на пользу ближняго. Съ другой стороны, иногда бываетъ и такъ, что ничтожное страданіе одного существа даетъ массу наслажденій другимъ. Это опять случается часто въ сферѣ общественнаго взаимодѣйствія: ничтожныя страданія ученаго, художника, актера, сопряженныя съ подготовкой и обработкой публичной рѣчи, художественнаго произведенія или своей роли, если эта подготовка требуетъ большого напряженія ихъ силъ, можетъ дать огромную сумму наслажденій многочисленной публикѣ *).

*) Ср. критику той же посылки пессимистовъ инымъ методомъ у Шнейдера: Freud und Leid des Menschengeschlechtes. Stuttgart. 1883, стр. 89 и слѣд.

Слѣдовательно, всѣ основные quasi-научные психологическіе тезисы пессимистовъ суть совершенно произвольныя *метафизическія утвержденія.* На основаніи такихъ утвержденій можетъ быть построена лишь весьма сомнительная, далеко не научная гипотеза,—и таковою именно является гипотеза пессимистовъ о преобладаніи страданій въ мірѣ.

Но уже изъ предыдущихъ разсужденій ясно, что также сомнительна и ненаучна и обратная гипотеза оптимистовъ о преобладаніи въ мірѣ наслажденій, ибо она основана на предположеніи, что страданія суть только отрицательныя душевныя состоянія, удовольствія же положительныя, между тѣмъ какъ мы видѣли, что оба эти типа явленій имѣютъ совершенно *туже психологическую цѣну.* Контрастъ понятій положительныхъ и отрицательныхъ состояній, правда, приложимъ къ разграниченію двухъ основныхъ классовъ чувствъ въ организмѣ, но съ совершенно другой точки зрѣнія, физіологической, оправдывающей это противуположеніе столько же въ сферѣ удовольствій, сколько и въ сферѣ страданій (ср. мои опредѣленія + и — удовольствій и страданій въ Психологіи чувствованій, гл. X, и соч. Dumont, Théorie de la Sensibilité). Тѣ психологическіе выводы, что воля не есть ни страданіе, ни удовольствіе, что она имѣетъ источникомъ своимъ столько же первое, сколько и второе, что цѣль хотѣній тоже можетъ быть двоякая, и другіе, къ которымъ мы выше пришли, не даютъ никакой опоры ни для пессимистическаго ученія о преобладаніи въ мірѣ страданій, ни для оптимистическаго ученія о преобладаніи въ мірѣ удовольствій. Другими словами, новѣйшія психологическія изслѣдованія вовсе не оправдываютъ ни той, ни другой доктрины.

Спросимъ себя теперь, насколько возможна *научная фактическая провѣрка* пессимистической и оптимистической гипотезъ, —ибо если психологія не оправдываетъ этихъ гипотезъ, то это еще ничего не значитъ. Психологія говоритъ, что въ организаціи человѣка дана совершенно *одинаковая возможность*, столько же для удовольствій, сколько и для страданій, что организація даетъ всѣ условія для полнаго *равновѣсія* тѣхъ и другихъ, ибо не предопредѣляетъ ни перевѣса страданій надъ удовольствіями, ни перевѣса удовольствій надъ страданіями. Но такъ какъ самое осуществленіе этой возможности равновѣсія зависитъ не отъ одной организаціи, но и *отъ среды*, такъ какъ самое на-

ступленіе удовольствій или страданій опредѣляется условіями взаимодѣйствія даннаго существа со средой, то психологія и не можетъ рѣшить вопроса о томъ, наступитъ ли упомянутое равновѣсіе, въ дѣйствительности, для того или другого существа, а слѣдовательно и для всего міра, или, наоборотъ, условія упомянутаго взаимодѣйствія приведутъ къ фактическому перевѣсу удовольствій надъ страданіями или же страданій надъ удовольствіями. Вѣдь точно также психологія, утверждая что у каждаго человѣка есть сознаніе, способное къ болѣе или менѣе высокой степени развитія, не можетъ рѣшить вопроса, осуществится ли это развитіе, дѣйствительно, въ томъ или иномъ существѣ или во всемъ человѣчествѣ, или же нѣтъ. Такіе вопросы рѣшаетъ лишь изученіе самой, *уже имѣющейся на лицо, дѣйствительности*. Поэтому-то и можно предположить, что пессимистическая или-же оптимистическая гипотеза (конечно не обѣ вмѣстѣ) можетъ оказаться вѣрною при изученіи *наличныхъ фактовъ* въ ходѣ существованія человѣчества и всего вообще органическаго міра. Этимъ-то предположеніемъ мы теперь и займемся.

Прежде всего замѣтимъ, что тотъ методъ, который употребляетъ, напримѣръ, Гартманъ при анализѣ дѣйствительности, съ цѣлью провѣрить гипотезу пессимизма о преобладаніи страданій въ мірѣ, совершенно *ошибоченъ*. Онъ доказываетъ, что всѣ удовольствія и наслажденія человѣчества суть «иллюзіи», т. е. что цѣна ихъ мнимая. Но такой методъ ровно ни къ чему не можетъ послужить, ибо точно также, съ какой-нибудь высшей точки зрѣнія посторонняго, *безстрастнаго* наблюдателя, можно доказать «иллюзорность» и всѣхъ страданій человѣчества, и такой именно пріемъ весьма успѣшно практикуютъ многіе оптимисты, а именно тѣ, которые ставятъ счастіе человѣка въ загробной жизни и, слѣдовательно, цѣлью настоящей жизни считаютъ не наслажденіе, а выполненіе нравственнаго долга, сопряженнаго съ страданіями. Удовольствіе и страданіе совершенно *относительныя* душевныя состоянія: то, что̀ есть удовольствіе или страданіе для одного, не есть таковое для другого. Пользуясь этой относительностью чувствъ, а также фактами *конечности, предѣльности* удовольствій и страданій, а равно и самаго существованія человѣка, можно легко доказать иллюзорность, ничтожную цѣну, ничтожный смыслъ каждаго наслажденія и страданія человѣческаго организма. Это и выражается ходячей

формулой обезцѣниванія человѣческихъ чувствъ, утверждающей, что «всѣ они ничто, въ сравненіи съ вѣчностью».

Слѣдовательно, доказывая иллюзорность всѣхъ наслажденій человѣка, Гартманъ тратитъ массу ненужныхъ словъ на подтвержденіе давно извѣстной и весьма простой истины, что чувства человѣка *относительны*. Неправильно только то, что онъ даетъ одностороннее значеніе этой истинѣ и, доказывая относительную цѣну удовольствій, совершенно произвольно предполагаетъ *абсолютную цѣну страданій* Въ этомъ опять сказался *метафизикъ*, ибо для человѣка науки—и удовольствіе,—и страданіе представляются одинаково относительными явленіями, но въ тоже время и явленіями *вполнѣ реальными*. Дѣйствительно, сколько бы ни убѣждали насъ въ томъ метафизики, тотъ фактъ, что одни люди и тѣ же люди, въ однихъ случаяхъ, наслаждаются, другіе люди и тѣ же люди, въ другихъ случаяхъ, страдаютъ, не можетъ быть подвергнутъ никакому сомнѣнію. Если кто-либо чувствуетъ себя несчастнымъ, то оптимистъ своими убѣжденіями, что всѣ страданія иллюзорны, его горю нисколько не поможетъ, если только не научитъ, какъ поправить бѣду, какъ избѣгнуть страданія,—все равно какъ никто не убѣдитъ хромого, что онъ не хромъ, тѣмъ соображеніемъ, что въ концѣ концовъ это зло «не столь большой руки». Но точно также и пессимистъ не убѣдитъ человѣка, чувствующаго себя счастливымъ, что онъ несчастливъ, при помощи своей теоріи «иллюзорности» всѣхъ наслажденій. Если въ дѣйствительности удается убѣжденіями ослабить ощущенія счастья или несчастья въ своихъ ближнихъ, то это происходитъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти ощущенія очень слабы и когда посредствомъ разсужденій удается отвлечь отъ нихъ вниманіе лицъ заинтересованныхъ; но тутъ разсужденія о всякомъ другомъ предметѣ, напр. разсужденія о пространствѣ четырехъ измѣреній, могутъ оказать точно такую-же услугу, какъ и разсужденія «о суетѣ всего мірского». Слѣдовательно, воздержимся отъ неправильнаго заключенія: post hoc, ergo propter hoc. Людей, *сильно* ощущающихъ свое счастіе или несчастіе, сильно наслаждающихся или страдающихъ, никто не убѣдитъ въ томъ, что ихъ состоянія «иллюзорны».

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что есть *счастливые* и *несчастные люди*, есть именно *неоспоримый фактъ*, изъ котораго должны выходить и пессимисты и оптимисты. А если такъ, то

единственный методъ доказать правильность той или другой изъ ихъ гипотезъ могъ бы быть лишь слѣдующій: сосчитать всѣхъ людей, признающихъ себя «счастливыми», и всѣхъ людей, считающихъ себя «несчастными» и сравнить полученныя цифры. Если бы оказалось, что первыхъ больше, то была бы доказана гипотеза оптимистовъ, еслибы оказалось, что вторыхъ больше, то могли бы торжествовать пессимисты. Другими словами, единственный методъ фактической провѣрки гипотезъ пессимизма и оптимизма есть *методъ статистическій.*

Но приложимъ ли этотъ методъ и что онъ можетъ дать въ результатѣ, въ той степени, въ какой онъ приложимъ? Во 1) къ *прошедшему* онъ очевидно не приложимъ, ибо единичные стоны и ликованія поэтовъ и философовъ всѣхъ временъ слишкомъ недостаточны для какихъ-либо заключеній о чувствахъ всей человѣческой массы въ ту или другую эпоху, слѣдовательно и всѣ заключенія о преобладаніи страданій надъ наслажденіями, несчастія надъ счастіемъ, или наоборотъ, по отношенію къ прошедшему совершенно произвольны. Во 2) къ *будущему* методъ статистическихъ вычисленій точно также мало, или еще менѣе, приложимъ (при отсутствіи у человѣка дара предвидѣнія), а слѣдовательно и какія-либо твердыя заключенія о будущемъ увеличеніи счастія или несчастія человѣчества совершенно произвольны. Въ 3) къ *настоящему* статистическій методъ, если и приложимъ, то развѣ съ большими трудностями и съ допущеніемъ возможности *многихъ ошибокъ.* Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, никто не могъ бы ручаться за *искренность* и *правдивость* показаній большинства людей относительно своего счастія или несчастія, ибо такія показанія могли бы повлечь за собою различныя неудобныя практическія послѣдствія. Во вторыхъ, если даже и допустить такую искренность и правдивость, то несомнѣнно, что многіе люди подъ впечатлѣніемъ *минутныхъ страданій* или *наслажденій исказили бы* общую оцѣнку своей субъективной доли. Въ 3-хъ, еслибы даже допустить невозможность и этихъ ошибокъ, то, при различіи количественной величины, или интенсивности, наслажденій и страданій, а слѣдовательно и счастія или несчастія людей, конечные результаты были бы весьма *относительны.* Можно предположить такой случай, что въ данную минуту больше наслаждающихся людей, чѣмъ страдающихъ, но такъ какъ налич-

ныя страданія человѣческаго рода интенсивнѣе удовольствій, то въ общемъ сумма страданій всетаки превосходитъ сумму наслажденій. Но также точно возможно и обратное предположеніе.

Такимъ образомъ, даже для научнаго оправданія основной гипотезы пессимистовъ или оптимистовъ по отношенію къ *настоящему* требовалось бы открытіе способовъ совершенно *объективнаго*, научнаго измѣренія интенсивности человѣческихъ чувствъ извнѣ или извнутри, вмѣсто пріемовъ чисто субъективной оцѣнки ихъ величины лицомъ заинтересованнымъ, которые единственно возможны при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Но если такъ, то даже и по отношенію къ настоящему важнѣйшія утвержденія пессимистовъ и оптимистовъ, касающіяся *общаго баланса* удовольствій и страданій въ организмахъ, недоступны никакой провѣркѣ, а слѣдовательно и не имѣютъ подъ собою научной почвы *).

Убѣдившись въ томъ, что исходныя психологическія посылки пессимизма и оптимизма невѣрны, самыя же гипотезы, на нихъ построенныя, произвольны и недоступны научной повѣркѣ, мы тѣмъ самымъ и оправдали первоначальный нашъ тезисъ о томъ, что это доктрины *метафизическія*, лженаучныя. Исповѣданія *субъективной вѣры* въ преобладаніе добра или зла, счастія или несчастія въ мірѣ, никому нельзя воспретить, но её и оправдывать, или мотивировать научно, нѣтъ надобности; она также *законна*, какъ законны и самыя чувства и настроенія человѣка, т. е. весь его индивидуальный душевный строй. Но какъ скоро эта субъективная вѣра пытается навязать себя человѣчеству, какъ *объективная догма*, такъ она тѣмъ самымъ нарушаетъ свои законныя права и требуетъ серьезнаго отпора въ качествѣ доктрины метафизической, псевдонаучной. Вотъ почему, мнѣ кажется, преждевременно было бы утверждать, что нашъ вѣкъ, поклоняющійся пессимизму, какъ *научной доктринѣ*, одержалъ уже окончательную побѣду надъ метафизикой и совершенно очистилъ свою науку отъ метафизическаго сора.

---

*) Для критики пессимизма, срав. уп. соч. Каро, Мокіевскаго, Сюлли, Шнейдера, а также Fouillée, Critique des systèmes de morale contemporains Paris 1883. Livre V.

Есть области науки, уже очищенныя, но есть другія, еще насквозь пропитанныя метафизическимъ духомъ прошлаго, и не много, напр., между психологами и соціологами нашего времени людей, послѣдовательно придерживающихся принциповъ *науки*; но это замѣчаніе мимоходомъ.

Перейду теперь къ слѣдующему вопросу: такъ какъ наука не даетъ основаній ни для пессимистическаго, ни для оптимистическаго міровоззрѣній и такъ какъ однакоже то или другое рѣшеніе соціальныхъ проблеммъ, на которыя эти міровоззрѣнія служатъ отвѣтомъ, по чисто *субъективнымъ побужденіямъ* представляется всетаки желательнымъ и необходимимъ, то, спрашивается, какая постановка упомянутыхъ проблеммъ является наиболѣе правильный.

Конечно, какъ скоро мы признали эти проблеммы неразрѣшимыми строго-научно и объективно, мы тѣмъ самымъ уже обязаны изъять ихъ изъ науки и передать въ другую область. Это мы и сдѣлаемъ, назвавъ ихъ проблеммами *соціально-этическими*. Соціальная этика, какъ теорія искусства, какъ полупрактическая и полусубъективная дисциплина, въ правѣ ставить себѣ неразрѣшимый научно вопросъ о возможности увеличенія или уменьшенія счастія человѣческаго рода въ будущемъ, не претендуя однако-же на выводы «объективно-достовѣрные». Ея выводы, по самому существу методовъ всякой теоріи искусства, могутъ обладать лишь большей или меньшей степенью *вѣроятности* и эта вѣроятность будетъ представляться различнымъ индивидуумамъ *большею* или *меньшею*, смотря по характеру ихъ субъективныхъ опытовъ и субъективныхъ настроеній. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, не въ правѣ ли, хотя бы соціальная этика, прійти, въ результатѣ, къ признанію большей или меньшей вѣроятности оптимистическихъ или же пессимистическихъ посылокъ, или же и она должна найти иное рѣшеніе поставленнаго нами вопроса о будущей судьбѣ человѣчества и міра? Это мы и постараемся уяснить себѣ ближайшимъ анализомъ.

Прежде всего несомнѣнно, что всякая теорія искусства, а слѣдовательно и соціальная этика, должна все таки строить свое ученіе *о возможномъ* и *о способахъ его осуществленія* на почвѣ обобщеній, добытыхъ *наукой*, а такъ какъ эти научныя обобщенія, какъ мы видѣли, не даютъ никакой опоры ни для пессимизма, ни для оптимизма, то уже а ргіогі должно предположить

что даже и соціальная этика должна прійти *къ иному отвѣту* на вопросъ о будущей судьбѣ человѣческаго рода, чѣмъ какіе даютъ пессимизмъ и оптимизмъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотримъ сначала, какія посылки можетъ дать наука для обоснованія соціально-этической теоріи о будущей судьбѣ всего живого въ мірѣ.

Эти посылки слѣдующія:

Во первыхъ несомнѣнно, что съ прогрессивнымъ развитіемъ *сознанія* въ человѣкѣ, и въ организмѣ вообще, *увеличивается и его воспріимчивость*, столько же къ наслажденіямъ, сколько и къ страданіямъ. Во вторыхъ, также несомнѣнно, что съ прогрессивнымъ развитіемъ сознанія въ человѣкѣ, при нормальныхъ условіяхъ, *увеличивается и волевой контроль* его, столько же надъ собственными своими состояніями, сколько и надъ явленіями, совершающимися внѣ его, въ средѣ, а слѣдовательно и *увеличивается способность человѣка* избѣгать тѣхъ *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* условій, которыя порождаютъ для него страданія, а также и осуществлять тѣ условія, при которыхъ возникаютъ для него наслажденія. Въ третьихъ, наконецъ, достовѣрно, что *прогрессивное развитіе сознанія* человѣка въ свою очередь можетъ подлежать его *волевому контролю* и можетъ достигаться различными *искусственными мѣрами*, какъ по отношенію къ нему самому, такъ и по отношенію къ другимъ существамъ, на которыхъ распространяется его вліяніе.

Всѣ эти положенія вытекаютъ изъ анализа психическихъ и соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія современной *эволюціонной* теоріи. Но что изъ нихъ слѣдуетъ?

А вотъ что: «*единственно возможный путь для увеличенія счастія и благоденствія человѣческаго рода, если это увеличеніе можетъ быть достигнуто, есть путь прогрессивнаго развитія сознанія человѣческихъ индивидуумовъ*», ведущее за собой прогрессивное же развитіе ихъ чувствительности, ихъ воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ власти надъ средой и надъ самими собой, могущей привести къ повышенію ихъ счастія; *другого пути быть не можетъ*, ибо оптимистическая посылка о необходимости независимаго отъ человѣческаго сознанія увеличенія счастія всего живого въ мірѣ не оправдывается ни научными теоріями, ни наличными фактами. Но если есть одинъ только путь, который можетъ привести къ данной цѣли, то *непремѣнно ли онъ приве-*

детъ къ ней? На этотъ вопросъ соціальная этика не въ состояніи дать *никакого положительнаго отвѣта*. Она должна предположить возможность какихъ-нибудь *непредвидѣнныхъ препятствій* на пути къ осуществленію упомянутой цѣли, ибо такія препятствія человѣчество всегда испытывало въ прошедшемъ. Прошедшій опытъ человѣчества доказываютъ, что *прогрессъ* и *эволюція* вѣчно смѣнялись и оспаривались *регрессомъ* и *деволюціей*, что есть двѣ силы, изъ которыхъ одна неудержимо влекла человѣчество *впередъ*, другая тащила его *назадъ* и подкапывалась подъ результаты, достигнутые имъ путемъ прогрессивнаго развитія.

Какая изъ этихъ двухъ силъ одержитъ *окончательную побѣду* надъ другой, да и одержитъ ли какая-нибудь изъ нихъ перевѣсъ, или же онѣ будутъ вѣчно нейтрализовать другъ друга въ своемъ дѣйствіи, неизвѣсто. Одно только можно сказать съ достовѣрностью, а именно, что *нѣтъ причины отчаяваться въ будущемъ*, что и пессимистическая посылка о прогрессивномъ развитіи зла и страданій также *произвольна*, съ научной точки зрѣнія, какъ и оптимистическая—о необходимости увеличенія счастія человѣка, независимо отъ его собственныхъ мѣропріятій. Но если такъ, то что дѣлать? Очевидно на этотъ вопросъ можно отвѣтить только однимъ способомъ: *надѣяться и дѣйствовать*, — *надѣяться* потому, что для надежды можетъ существовать только одно препятствіе, а именно увѣренность въ невозможности достиженія цѣли, а такая увѣренность, какъ мы видѣли, въ примѣненіи къ *будущей судьбѣ міра* ничѣмъ не оправдывается,—*дѣйствовать* же должно потому, что для достиженія данной цѣли, какъ мы выше убѣдились, существуетъ *одинъ* только *путь*—путь *дѣйствія*: бездѣйствіе къ этой цѣли не приведетъ.

Таковы *два основные вывода соціальной этики*, построенные на основахъ *научной эволюціонной теоріи*. Поэтому и соотвѣтствующее соціально этическое ученіе мы назовемъ *эволюціонизмомъ**). Эволюціонизмъ стоитъ посрединѣ между пессимизмомъ и оптимизмомъ, но составляетъ *не механическое сочетаніе* положеній этихъ доктринъ, а *высшій органическій синтезъ* того

*) Замѣтимъ, что этотъ терминъ уже употребляется школою Спенсера для обозначенія основанныхъ на теоріи эволюціи индивидуально-этическихъ и соціально этическихъ теорій (ср разборъ эволюціонной морали у Fouillée упом. соч. I Livre).

что въ нихъ вѣрно. *Вѣрно* же въ нихъ слѣдующее: *въ пессимизмѣ* то, что данная дѣйствительность далеко не способна удовлетворить человѣка, имѣющаго высокимъ идеаломъ своимъ *счастіе всего человѣческаго рода* и, можетъ быть даже, *всего живого въ мірѣ*,—въ *оптимизмѣ* то, что *отчаяваться* въ осуществленіи этого высокаго идеала нѣтъ никакихъ «безусловныхъ» основаній. Какъ высокая синтетическая точка зрѣнія, эволюціонизмъ имѣетъ уже то преимущество, что онъ способенъ внушить человѣку *вѣру въ его идеалы*, и не только вѣру, но и *бодрость*, *энергію* въ ихъ преслѣдованіи, а вѣра въ будущее и сознаніе энергіи, силы, суть уже сами по себѣ важнѣйшіе вклады въ «капиталъ человѣческаго счастія», его conditio sine qua non. Напротивъ того, пессимизмъ и оптимизмъ, какъ признаютъ всѣ лучшіе критики этихъ ученій, суть точки зрѣнія, способныя только *ослабить* энергію дѣятельности человѣка и *бодрость* его настроенія*); пессимистъ достигаетъ этого результата безнадежною мрачностью той картины будущаго, которую онъ рисуетъ,—оптимистъ ослабляетъ энергію человѣка самоувѣренностью и надеждою на внѣшнія силы, которую онъ ему внушаетъ. Если «все въ лучшему», или если «все къ худшему», въ семъ «лучшемъ» или «худшемъ» изъ міровъ, то о чемъ стараться, къ чему стремиться и дѣйствовать: все предопредѣлено необходимостью или судьбою—остается сложить руки,—смотрѣть и ждать, ждать и смотрѣть? Но если мы признаемъ, что *не все потеряно*, а съ другой стороны и то, что *достигнуто еще очень мало*, и что *отъ человѣка самого только и можетъ зависѣть улучшеніе его судьбы*, на сколько она допускаетъ улучшеніе, то признаемъ, что есть чего хотѣть и ради чего дѣйствовать. Будемъ же хотѣть и дѣйствовать, будемъ совершенствовать самихъ себя, другихъ людей и среду, на сколько каждый въ состояніи это сдѣлать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ забывать и того, что *первое условіе возможнаго улучшенія міра* есть *прогрессивное развитіе сознанія и самосознанія*,—психическое развитіе *человѣческой личности*. «Внѣ развитія человѣческой личности прогрессивное развитіе соціальной среды невозможно». Это по-

*) Ср. Sully упомян. соч. Chap XIV, и Fouillée, Critique des systèmes de morale contemporains. Paris 1883 Livre V, гдѣ онъ доказываетъ вообще безнравственность доктрины пессимизма.

ложеніе, по моему мнѣнію, должно быть признано первой исходной посылкой *соціальной этики* *).

Такимъ образомъ, мм. гг., и соціальная этика должна отвергнуть пессимизмъ и оптимизмъ, какъ *доктрины*. И главная причина этому та, что обѣ доктрины носятъ въ себѣ всѣ черты *абсолютизма*. Онѣ возводятъ совершенно *относительные* и *условные факты*, имѣющіе свою основу въ *субъективныхъ, крайне измѣнчивыхъ* душевныхъ состояніяхъ человѣка, въ *абсолютные* и *безусловные общіе міровые законы*, посредствомъ произвольнаго ихъ *объективированія*, посредствомъ произвольнаго истолкованія ихъ, какъ показателей объективной, *неизмѣнной* сущности вещей. Наука теоретически давно уже отказалась отъ опредѣленія «внутренней сущности вещей»,—она давно признала, что человѣческому познанію доступны только *явленія* и *ихъ отношенія*. Между тѣмъ и пессимизмъ и оптимизмъ, какъ доктрины, являются ничѣмъ инымъ, какъ попытками разрѣшить *вновь*, въ томъ или другомъ направленіи, этотъ фантастическій, ненаучный вопросъ о *сущностяхъ вещей*. Чувства удовольствія и страданія, ощущенія счастія и несчастія суть тѣ явленія—явленія психическаго круга, отъ которыхъ онѣ пытаются построить мостъ къ понятію *о сущности бытія всего міра*. Эти чувства составляютъ субъективную и относительную *оцѣнку значенія вещей для того или другого человѣка*, но вмѣсто этого упомянутыя чувства признаются показателями *абсолютной цѣны вещей*, какъ онѣ даны *внѣ человѣка*,—показателями внутренней ихъ природы или «сущности», ихъ *объективнаго достоинства* или *объективнаго ничтожества*. Таково значеніе пессимизма и оптимизма, какъ доктринъ.

Но если мы безусловно отвергли *теоретическій* пессимизмъ и оптимизмъ, то въ правѣ ли мы также сурово отнестись къ пессимизму и оптимизму, какъ *настроеніямъ*? Конечно нѣтъ. Мы уже говорили, что эти настроенія вполнѣ *законны* и *неизбѣжны*: бороться противъ нихъ, значило бы бороться противъ непреложнаго, необходимаго. Притомъ, какъ настроенія, пессимизмъ и оптимизмъ суть явленія не только *необходимыя*, но и *полезныя*. Они являются *барометромъ* индивидуальной и соціальной

*) Къ совершенно сходнымъ выводамъ приходитъ и Fouillée въ упомсоч., см. Conclusion, особ. стр. 406—408.

жизни человѣка, и показанія этого барометра могутъ служить основаніемъ для *критическаго отношенія* индивидуума и общества къ переживаемымъ ими условіямъ жизни. Такъ напр. распространеніе въ обществѣ пессимистическаго настроенія, выражающагося въ учащеніи самоубійствъ, въ преобладаніи пессимистическихъ мотивовъ въ поэзіи, литературѣ и въ философіи, служитъ показателемъ *ненормальности*, *неудовлетворительности* существующаго соціальнаго строя, показателемъ *кризиса* въ умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни общества. Онъ долженъ поэтому служить *предостереженіемъ* и *указаніемъ* для политическихъ дѣятелей, для нравственныхъ и умственныхъ руководителей народовъ. Онъ долженъ возбуждать въ нихъ критическое отношеніе къ потребностямъ даннаго времени, долженъ возбуждать ихъ энергію къ неустанной дѣятельности на пользу общую, долженъ побуждать ихъ къ внимательному и безпристрастному изученію окружающей ихъ дѣйствительности, долженъ внушать имъ наконецъ смѣлость и бодрость въ борьбѣ съ предразсудками стараго времени, въ осуществленіи широкихъ реформъ, которыя бы не палліативно только залечивали существующія раны, а уничтожали бы зло въ самомъ его корнѣ.

Слѣдовательно, какъ субъективныя настроенія, выражающія собою оцѣнку конкретно данной дѣйствительности въ ея отношеніяхъ къ наличнымъ потребностямъ отдѣльныхъ человѣческихъ существъ,—той или другой группы ихъ,—цѣлаго общества,—или даже всего человѣчества, пессимизмъ и оптимизмъ вполнѣ законны и даже *желательны*. Они характеризуютъ *степень соотвѣтствія внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній*—отношеній между состояніями среды и внутренними потребностями самого человѣка, они показываютъ, *прогрессируетъ* ли въ данную эпоху человѣческое общество, или *регрессируетъ*. Крайнее развитіе пессимистическихъ настроеній въ обществѣ, въ извѣстный моментъ, явно обнаруживаетъ, что жизнь этого общества регрессируетъ, что процессы, въ немъ совершающіеся, приняли *болѣзненное*, *патологическое* направленіе. А это должно заставить всѣхъ сознательно живущихъ членовъ общества сплотиться въ борьбѣ съ общимъ зломъ, направить дружныя усилія свои на изученіе его причинъ и на изысканіе средствъ для осуществленія болѣе высокихъ общественныхъ идеаловъ. *Н. Г.*